

A portrait of a middle-aged man with dark, wavy hair, smiling. He is wearing a grey suit jacket, a white shirt, and a colorful paisley tie. The background is a light, neutral gradient.

Iosif Kobzon

Иосиф

КОБЗОН

Я сам себе судья

Иосиф Кобзон

Я сам себе судья

«АСТ»

2018

УДК 82-312.6
ББК 68.49(2Рос)23

Кобзон И.

Я сам себе судья / И. Кобзон — «АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-105545-5

«Я сам себе судья, и надо мной никто не властен... Я прожил очень интересную, непростую, но красивую жизнь. У меня в этой жизни есть все. Есть моя любовь, есть мое продолжение: мои дети, мои внуки. Есть мои песни, мои слушатели» — И. Д. Кобзон. Более 50 лет на сцене, выступления перед Сталиным, Хрущевым, Горбачевым, Ельциным — жизнь Иосифа Давыдовича Кобзона тесно вплелась в историю СССР и России. Именно поэтому его голос является голосом не одного поколения. Иосиф Кобзон — не просто самый титулованный певец отечественного музыкального Олимпа, депутат Государственной Думы, музыкально-общественный деятель, но и один из самых любимых артистов нашей страны. Уникальные фотографии из семейных архивов, повествование от первого лица расскажут о взлетах и провалах, успехе и перипетиях судьбы Иосифа Давыдовича, которые вряд ли кто-то мог рассмотреть за ослепительным светом софитов.

УДК 82-312.6
ББК 68.49(2Рос)23

ISBN 978-5-17-105545-5

© Кобзон И., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Первые годы жизни	7
Война	10
Послевоенный период	12
Выступления перед товарищем Сталиным	16
Днепропетровск	19
Горный техникум	20
Служба в армии	26
Поступление в институт имени Гнесиных	30
Первое самостоятельное выступление	32
Цирк на Цветном бульваре	33
Общежитие на Трифоновке	35
Первые успехи на эстраде	38
Никита Сергеевич Хрущев	41
Первый брак	43
История с пропиской родственников	48
Второй брак	50
Обычная жизнь: гастролы, записи, съемки...	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Иосиф Кобзон

Я сам себе судья

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

«Я сам себе судья, и надо мной никто не властен»... Я прожил очень интересную, непростую, но красивую жизнь. У меня в этой жизни есть все. Есть моя любовь, есть мое продолжение: мои дети, мои внуки. Есть мои песни, мои слушатели.

Иосиф Кобзон

Я никогда не чувствовал себя особенным. У меня никогда не было ощущения, что я буду известным человеком. И, слава Богу. Это только мешало бы моему развитию. Вместе с тем я всегда хотел быть первым, понимая, что единственный для меня путь к лидерству – это научиться делать то или иное дело заметно лучше других.

Иосиф Кобзон

Иосиф Кобзон. Мой путь

Мой путь, моя судьба
Надежд ошибок и сомнений.
Мой путь, что выбрал я,
Я вспомнил вновь без сожалений.
Я жил, и сладок был
Соленый вкус аплодисментов.
Влюблялся и любил —
Это был мой путь.

Был час, когда упал
И надо мной звенела вьюга.
Был день, когда узнал
Любовь врага и зависть друга.
Я шел, боль затая,
Смеялся я и горько плакал.
Промчалась жизнь моя —
Это был мой путь.

Припев:

Продлись, мой путь
На светлый миг,
На теплый дождь,
На птичий крик,
На нежный взор,
На вздох любви,
И музыку мою продли!
Я не жалею ни о чем —

Это был мой путь!

Мой путь, моя судьба,
дорога грез, тропинка счастья.
Я сам себе судья,
И надо мной никто не властен.
Пусть мир был так жесток,
А жизнь моя была прекрасна,
Дай Бог еще поток —
Это был мой путь.

Припев:

Продлись мой путь
На светлый миг,
На теплый дождь,
На птичий крик,
На нежный взор,
На вздох любви,
И музыку мою продли!
Я не жалею ни о чем —
Это был мой путь!

Да, это мой путь...

Русский текст Ильи Резника

Первые годы жизни

У меня нет малой Родины. У меня есть одна Родина – это Донбасс! Большой и малой Родины не бывает. Есть одна Родина. Там, где пупок зарыт – там и Родина. Все остальное – фантазии.

Я родился 11 сентября 1937 года в городе Часов Яр, что в Донецкой области. И что для меня Часов Яр? Собственно говоря, я там не жил. Я только родился в Часовом Яре. Поэтому никакой осознанной жизни там у меня не было.

Да, уважаемый читатель, Часов Яр – это неотделимая частица моей жизни, моей памяти. Я счастлив, что там теперь есть улица, названная моим именем. И есть музей...

Я приезжал в Часов Яр с мамой. Я приезжал с гастрольями в Часов Яр. У меня есть воспоминания военного детства, когда семья вернулась в 1944 году в Донбасс, в город Донецк, тогда он назывался город Сталино. Потом были Славянск и Краматорск.

Но это все было потом. А жизнь для меня началась со слова. Этим первым словом было слово «мама».

Мама моя – Ида Исаевна Шойхет – 1907 года рождения. Она родом из местечка Деражня Каменец-Подольской губернии. В ее большой семье было четверо детей: она и три брата. У нее была очень непростая судьба, как, впрочем, и у всех женщин того поколения. Мама рано потеряла отца (он был кустарем-одиночкой, умер в 1917 году, и семья оказалась в крайней нужде) и с одиннадцати лет вынуждена была зарабатывать, работая по найму. Была и батрачкой, и синеблузницей. По окончании специальных курсов работала мастером на деревообделочной фабрике в Проскурове. В двадцать два года вступила в ВКП(б). В январе 1930 года мама вышла замуж и вместе с мужем переехала в Славянск. Чтобы не сидеть на шее мужа, работала на Славянском изоляторном заводе, затем начальником АХО Славянского городского отделения связи, заведующей общим отделом Славянского горкома партии.

Мама моя любила меня. Любила больше всех. Потому что был я у нее самый младшенький. Это уже потом, когда в семье появился шестой ребенок¹ (сестричка Гела), Гела стала самой любимой. Самой любимой еще и потому, что была девочкой.

Мама никогда не звала меня по имени, а звала всегда: сынуля. И я любил ее. Очень. И всегда, всегда, до последних дней звал ее: мамуля. Она делала для меня все, что могла... Если оставалась одна конфета, то, конечно, сладость доставалась мне. Не стало у меня мамы в 1991 году.

Началась моя жизнь 11 сентября 1937 года. Смотрю я на эти, оказавшиеся для мира трагическими, цифры с высоты сегодняшнего дня. На календаре 2017 год! Смотрю и вспо-

¹ У Иосифа Давыдовича было два родных брата (Исаак и Эммануил), сестра (Гелена) и два сводных брата – Леонид и Григорий Рапопорт (примечание редакции).

минаю свое бедное, но все равно счастливое детство. Очень счастливое. Несмотря на то, что по нему прокатилась Великая Отечественная. Эта страшная война стала главным воспитателем моего поколения.

Родился я в небольшом городке. У нас их называют ПГТ – поселок городского типа. Меня часто спрашивают, не в честь ли Иосифа Виссарионовича меня Иосифом назвали? Ни в коем случае. В честь маминого дяди. Дядя Иосиф был адвокатом, и он очень помогал семье мамы, когда они осиротели.

Дальше семейные пути привели нашу семью во Львов. Перед самой войной, в 1940 году, мама стала там работать начальником спецотдела Облеспромсоюза. Отец, Давид Кунович Кобзон, был служащим предприятия. Квартира наша находилась в доме напротив Дома офицеров, и оттуда часто доносилась музыка в исполнении духового оркестра. Но у нас была и «своя» музыка – патефон и несколько коробок с пластинками Лемешева, Руслановой, Шульженко... Я так любил их слушать.

Война

Я помню первый день войны, мне было три с половиной года. Мы в вокзальном помещении, полном народа. Благодаря маме, нас засунули в товарный вагон, дали уголочек на соломе.

На второй день после начала Великой Отечественной войны отец ушел на фронт, а мама с тремя детьми, со своим братом-инвалидом и со своей мамой, нашей бабушкой, отправилась в эвакуацию в Узбекистан. Конечным пунктом назначения оказался город Янгиюль.

Я, когда возвращаюсь к памяти детства, совершенно четко помню эту нашу эвакуацию. Помню этот вагон, переполненные станции. Я помню, как отстала мама... Она бегала за хлебом для нас и отстала от поезда. Помню, как все мы – и бабушка, и дядя, и братья, и я, как самый младший, – были в панике: пропала мама! А у нас всегда вся надежда была на маму. Но мама через три дня догнала нас «на перекладных» на какой-то станции. Так мы попали в Узбекистан, в город Янгиюль, в пятнадцати километрах от Ташкента.

Я с большой теплотой вспоминаю этот гостеприимный край. Мы жили в узбекской семье, в глиняном домике с земляными полами. Хозяева делились с нами всем. Конечно, жили впроголодь. Хлеб берегли пуще золота. Я по сей день ловлю себя на мысли, что не могу выбросить даже корочки. С тех пор я больше всех продуктов люблю хлеб.

Мы все жили в одной комнате. Наши семьи разделяла только занавеска. Когда устраивались на ночлег, выкладывались тюфяки, и все ложились, что называется, штабелями. Так жили с 1941 по 1944 годы. Каждое утро взрослые поднимались на работу. Поднимали и нас, детей, чтобы покормить... Кормили в основном какой-то тюрей... И так, чтобы сытно было весь день. Варился так называемый суп. Мама моя была в этом деле находчивая женщина. Хозяйка. Она делала еду, казалось, из ничего. Все съедобное шло в ход: картофельные очистки, щавель, просто зеленые листья или какая-то кусачая лечебная трава, которую так любят есть собаки и кошки, когда им не хватает витаминов или нападает какая-нибудь болезнь. Этого наваристого бульона хватало всей семье на неделю. Каждый раз после завтрака кастрюлю с «тюрей» спускали в погреб. Потом поднимали, разогревали на керосинке, и мы обедали. Разносолов не было.

Иногда мама для бульона покупала свиную голову и свиные ножки. Вываривала их, и получался жирный бульон. Чистые, золотистые капельки жира в нем были такие, что текли слюни. Бульона хватало на всю выварку. А выварка была большая, алюминиевая. К субботе в этой же огромной выварке нас, детей, мыли по очереди. Потом в ней же кипятилось белье, чтобы избавиться от всяких насекомых.

Хлеба, по сути, не было. Лишь иногда нас, детей, баловали узбекскими лепешками. Но, в основном, заедали мы всю эту тюрю жмыхом. Мы жили рядом с забором маслобойного завода. И вот там нам удавалось разжиться жмыхом, который делался из отходов семечек подсолнечника. Пахучий, до приятного головокружения, и такой твердый, что его можно было грызть бесконечно. Этот жмых был главным детским лакомством. Смешиваясь со слюной, он насыщал наши вечно желавшие есть желудки. А еще мы насыщались смолой, обыкновенной черной смолой. Мы жевали ее целыми днями. Ходили и жевали. Это была наша жвачка, наше лакомство военной поры. Жестокое время, что поделаешь...

Покормив, взрослые выгоняли нас гулять на улицу. И весь день мы проводили на улице. Гоняли с мальчишками по ней босиком, устраивая обычные пацанские игры, так что моим детским садом была улица. Не сказать, чтобы я тогда всегда был заводилой, но всегда руководил всем, как командир. Конечно, дрались. Но очень быстро мирились. И тем самым учились не держать друг на друга зла. Потрясающе добрый и гостеприимный узбекский народ останется в моей памяти навсегда.

Чтобы заработать денег, мама варила конфеты. Готовые конфеты пересчитывали и укладывали на «досточки». Эти «досточки» с лакомством висели в нашей комнате на веревках достаточно высоко. Но мы, дети, ночью потихоньку вставали и их облизывали. А утром мама, ни о чем не подозревая, везла эти конфеты продавать на рынке.

Потом жить стало немножечко легче: мама начала работать начальником политотдела совхоза. До этого, на Украине, еще с Часова Яра она работала судьей. Это удивительно, но она стала судьей в двадцать два года, окончив до этого Харьковский юридический институт. Ей даже для этого пришлось немного «подправить» свой возраст (на самом деле, она была 1910 года рождения). Она была комсомолкой, ходила в красной косынке и дела вела всегда очень справедливо.

А теперь мы с братьями, как могли, помогали ей. Бегали на базар продавать холодную воду. С кружками. «Купи воду! Купи воду!» – наперебой кричали мальчишки. И в жару, под палящим узбекским солнцем, ее охотно покупали. Правда, за какие-то копейки. Конечно, мы зарабатывали мало, но все до копейки честно относили маме. Однако и это помогало нам жить. И мы выживали и... выжили.

Нас у мамы росло трое мальчишек. Не могу сказать, что она была ласковой и доброй, скорее – достаточно жесткой женщиной. Растила-то мальчишек. Потом нас стало четверо, Гела – единственная девочка – родилась уже после войны. Мама не только нас вырастила и воспитала, но и дала всем образование.

Два маминых брата – Борис и Михаил – не вернулись с фронта, пропали без вести. В 1943 году наш отец был сильно контужен и после лечения демобилизован. Однако к родным он не вернулся. В госпитале судьба свела его с одной женщиной, звали ее Тамара Даниловна. Прекрасная такая дама, педагог. Короче, у отца образовалась новая семья, и он навсегда остался в Москве.

Как только Донбасс освободили от немцев (в сентябре 1943 года), мы тут же вернулись на Украину и поселились в городе Славянске. Жили в семье погибшего маминого брата Михаила, у жены его, у тети Таси, доброй русской женщины с двумя сыновьями.

У нас на всех было полторы комнаты. Полкомнаты занимала родительская спальня, а на другой половине мы все спали вповалку. Я очень любил спать на полу: на улице за целый день так нагоняешься, что придешь грязный, шлепнешься на пол и спишь, как убитый.

До 1945 года мы прожили у тети Таси. Там же, в Славянске, мы встретили День Победы. Как сейчас помню, 9 мая 1945 года. Я проснулся от жуткого крика в нашей коммуналке. А я знал, что такое крики в коммуналке, когда приходили похоронки. Но тут, открыв глаза, я увидел, что люди улыбаются, обнимаются и плачут одновременно. Я спросил у мамы: «Что случилось?» Она говорит: «Победа, сынок!»

Потом мы переехали в Краматорск, и мама устроилась работать адвокатом в Краматорской юридической консультации. Она была опытным юристом, очень аккуратным и ответственным, и потом долгие годы, даже уже в Москве, люди обращались к ней за советом. Более того, наш родственник, дядя Самуил, тоже адвокат, потом вел дело по наследству в Америке, и он обращался за советом к маме, и они выиграли это дело, хотя мама явно не знала международного права.

Там же, в Краматорске, я пошел в школу. Все легло на мамины плечи. Бедная мама моя. Досталось ей горя! Но она все выдержала.

Послевоенный период

В Краматорске я пошел в первый класс мужской средней школы № 6, где проучился до шестого класса. Город был разрушен войной – отсутствовало отопление, у нас не было тетрадей, мы писали на обрывках бумаги, на газетах.

Как сейчас помню, конец 1945-го... Станным образом тогда мы учились: когда нужно было писать, худющие, но горячие, отогревали мы под рубашками чернильницы с замерзшими чернилами и писали между строк на газетах. Чтобы не стучать от холода зубами, сжимали губы. В классах стоял мороз, но не в силах он был заморозить наши души, которые

после Победы горели такими страстями и такими мечтами, что казалось ничто на свете не сможет их погасить. Все это было. И я помню это. Помню! Я хорошо это помню... 6-я мужская средняя школа... Быков Леня, будущий знаменитый Максим Перепелица, учился в моей школе. Был он старше меня на два года. Но только позже мы обнаружили, что мы из одной школы!

Детство-то у меня было голоштанное. Я донашивал одежду за старшими братьями, и это было нормально. Лишь иногда мама покупала какую-нибудь шмоточку именно мне. На Новый год на елке красовалась всего одна мандаринка! Мы не спали всю ночь, несли вахту у елки, чтобы никто не соблазнился раньше времени и эту мандаринку не съел. Утром мама делила ее на дольки и раздавала детям. Такая вот появилась новогодняя традиция...

Первое пирожное в жизни я съел 7 ноября 1945 года. После демонстрации всем ученикам выдали по пирожному. Это был кусочек черного хлеба, на котором лежала конфета «сахарная подушечка». Хлеб я надкусил, полизал подушечку, и все отнес домой, поделиться с братьями, чтобы они тоже попробовали. Я им разрешал только лизать эту конфету, чтобы они почувствовали сладкий вкус. Такая была жизнь.

Меня вот спрашивают: а вас в детстве дразнили или еще как-то делали вам плохо? Отвечаю: меня очень тяжело было обидеть, потому что я был таким, что мог за себя постоять. Говорят: это значит, если что – сразу в ухо или по зубам? Отвечаю: не так, чтобы сразу по зубам, но, во всяком случае, особых вольностей по отношению к себе я не допускал. У меня были дружки, с которыми я был, как три мушкетера: один за всех и все за одного. И в школе, и в пионерском лагере я всегда был первым. Так что ни у кого не появлялось желания сделать мне какую-то гадость.

Меня воспитала улица. К счастью, не злая. Я умел себя защищать, всегда был лидером, лучшим учеником в школе и никогда не обижал тех, кто слабее. Сколько себя помню – я всегда пел: во дворе, в художественной самодеятельности в школе.

А как мы проводили время? После школы – уроки, после уроков – улица. Гоняли матерчатый мяч – кусок маминого чулка, набитый тряпками. Дрались, но только не кастетами, не ножами и не исподтишка. Если возникали конфликты – стенка на стенку, до первой крови.

Ничуть не жалею о своей молодости и о своем прошлом. Журналисты часто задают такой вопрос: «Не хотелось бы сегодня снова начать сначала, в этой жизни?» Я всегда отвечаю «нет». Я прошел непростой путь, но создал свою биографию, мне ничего не страшно.

В 1946 году мама встретила по-настоящему хорошего человека – Моисея Моисеевича Рапопорта, 1905 года рождения. Она повторно вышла замуж. Он был фронтовиком, участвовал в страшной Сталинградской битве, и посидел там за один день. У него жена погибла в 1943 году, и осталось двое сыновей – так у меня появились два сводных брата. А вскоре, в 1948 году, к нам в семью пришла радость – появилась сестричка Гела. После этого она стала маминой любимицей.

Язык не поворачивается назвать Моисея Моисеевича отчимом. Я с гордостью звал его Батя, и я никогда не ощущал разницу в его отношении к «своим» и «не своим» детям. Абсолютно.

До войны он окончил торговое училище. С войны вернулся в возрасте сорока лет в звании подполковника (это значит, что хорошо воевал, ведь без военного образования такое звание присваивали редко). Работал очень трудно, с утра до ночи трудился, для того, чтобы нас прокормить. Я хорошо помню те годы. Мы небогато жили, но у Бати всегда была чистая выходная рубашка и пиджак, который он надевал, когда мы шли в гости. Мы все до конца дней безумно любили его. А он рано ушел из жизни, в 1970 году. Не хватило здоровья у бывшего фронтовика, чтобы жить. Воевать всю войну – хватило, а вот жить – не-а... Уже 47 лет нет его. Но во мне он по-прежнему... есть! Батя. Мой Батя!

Выступления перед товарищем Сталиным

Все когда-то происходит впервые. Мою первую учительницу звали Полина Никифорова. Хороший человек. Как звать – помню. Навсегда помню. А вот фамилию забыл. У нее я научился писать и читать, рисовать и считать только на «пять».

А вот петь, пожалуй, научился сперва от мамы, а потом уже продолжил на уроках пения и в кружке художественной самодеятельности.

Тогда ведь никаких развлечений не было: ни дискотек, ни магнитофонов, ни телевизоров. Мама очень любила петь романсы и украинские песни. У нас стоял патефон и было множество пластинок. Мама пела, а я ей любил подпевать. Мы садились вечерами, зажигали керосиновую лампу и пели «Дивлюсь я на небо – та й думку гадаю: чому я не сокил, чому не летаю?...» Нравилась маме эта песня. И вообще волшебное было время. Керосин стоил дорого, его берегли и лампу зажигали, только когда на улице совсем темнело. Нас загоняли домой, и я с нетерпением ждал момента, когда мы с мамой начнем петь...

Это было какое-то завораживающее действо и зрелище. Тоску сменяла радость, слезы – веселье, когда пела свои любимые песни мама. И, вероятно, именно тогда я навсегда «отравился» пением. Песни стали моими «наркотиками».

Я пел в школе, пел со школьным хором на сцене городского ДК. Тогда не было смотров, конкурсов – были художественные олимпиады. И в десять лет я, как представитель Краматорска одержал первую победу на Всеукраинской олимпиаде художественной самодеятельности школьников, заслужив свою первую награду – поездку в Москву на ВДНХ СССР. И там мне удалось выступить перед моим знаменитым тезкой.

Дело в том, что на нашем концерте в Кремле присутствовал сам товарищ Сталин. Я пел песню Матвея Блантера «Летят перелетные птицы».

Короче, я впервые оказался в 1946 году в Кремлевском театре... Да-да, никакого Кремлевского дворца и киноконцертного зала «Россия» еще не было – только Колонный зал Дома Союзов. Он самым престижным считался, плюс два камерных, как и по сей день, – зал Чайковского и Большой зал Консерватории. Закрытый Кремлевский театр находился в здании у Спасской башни: как заходишь, сразу с правой стороны. И вот режиссер собрал нас всех там и сказал: «Сейчас начнем репетировать. Учтите: на концерте – строжайшая дисциплина, выпускать вас будут из комнаты только за один номер до выхода на сцену».

И мы все знали, что Иосиф Виссарионович Сталин может оказаться в зале. Нас предупредили: если вождь будет присутствовать, то любопытствовать и разглядывать его не надо. Мне так и сказали: «На Сталина не смотри». Но это все равно что верующему приказать «не крестись», когда перед тобой храм или священник. Возможности присмотреться, однако, у меня не было: только спел песню «Летят перелетные птицы» – и за кулисы, а там мне сразу велели: марш в комнату!

На следующий день нас провели по музеям, показали Москву, покормили, посадили в поезд и отправили домой.

А второй раз я предстал перед Сталиным уже в 1948 году. Опять-таки как победитель республиканской олимпиады я выступал в том же Кремлевском театре, и та же картина: ничего нового, только песня Блантера другая уже была – «Пшеница золотая». Я в белой рубашечке с красным галстуком вышел...

На сей раз я Сталина разглядел, потому что нас небольшое расстояние разделяло, но с перепугу – бросил молниеносный взгляд и сразу перевел его в зал. Как сейчас помню: с улыбкой на лице он сидел в ложе с правой, если со сцены смотреть, стороны и мне аплодировал. Рядом с ним сидели Молотов, Ворошилов, Булганин. Берии и Маленкова не было. Я видел Сталина только со сцены, когда пел. Ложа находилась метрах в десяти от меня.

Когда нам сказали, что будет Сталин, мы испугались выступать. Не потому, что боялись Сталина, а опасались, что, как увидим его, так язык, ноги и руки перестанут слушаться, и мы вообще выступать не сможем. Тогда не было принято записывать фонограммы, как это делается сейчас по принципу «как бы чего не вышло», чтобы, не дай Бог, что-то непредвиденное не произошло при президенте, на случай, если кто-то слова забудет или, что еще хуже, что-то лишнее скажет... Тогда, слава Богу, было другое время. Все должно было быть настоящим. И поэтому мы, чтобы не ударить в грязь лицом, все тщательным образом репетировали. Прогон концерта шел по нескольку раз, но мы все равно жутко волновались...

Я пел, и Сталин слушал меня. Я не смог долго смотреть на него, хотя очень хотелось. Помню, успел разглядеть, что был он в сером кителе. Я спел и поклонился, как видел кланяются в кино любимому царю. И поклонился уважаемой публике. Я спел и имел большой успех. Спел и на ватных детских ногах ушел за кулисы. Спел самому Сталину!

Так начиналась моя певческая карьера. Я был еще маленький и толком не понимал, что такое «вождь всех народов». Его звали Иосиф. И меня мама моя назвала Иосифом. Я думаю, остальным выступавшим, кто был постарше, было намного сложнее. К сожалению, в подробностях я не помню, как реагировал на мое выступление Сталин. Поскольку не помню, не хочу рассказывать, что он кричал «браво», поддерживая нескончаемые аплодисменты, или одобрительно улыбался мне... Сейчас я бы мог сказать, что угодно, но не хочу соврать.

А вот хорошо помню, как за год до этого, приезжая в Москву, тоже на смотр художественной самодеятельности, я 1 мая на Красной площади участвовал со всеми в демонстрации перед Мавзолеем. Помню, как все мы с восхищением смотрели на руководителей партии и правительства, которые организовывали и вдохновляли великую победу над фашизмом, и особенно во все глаза глядели мы на нашего героического, но такого простого вождя. Все это я хорошо помню. И еще навсегда остался в памяти салатового цвета занавес в Кремлевском театре.

Вот написал это и подумал: а ведь мне довелось жить при всех советских и послесоветских царях, кроме Ленина... Сколько их было? Сначала Сталин, потом Маленков, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев, Ельцин, Путин, Медведев, снова Путин. Господи, неужели я уже такой старый...

Кстати, а песня Блантера мне тогда здорово нравилась. «Летят перелетные птицы в осенней дали голубой. Летят они в жаркие страны, а я остаюсь с тобой...» Пел я ее от всей души: в Донецке, а потом и в Киеве, и в Москве. Когда через какое-то время показал врученную мне грамоту Матвею Исааковичу, старый композитор расплакался.

И еще один важный для меня момент. Когда мне как певцу-победителю украинской олимпиады дали путевку в Москву, мама сказала: «Если хочешь, повидайся с отцом». И я повидался. Однако его отношение к маме и мое благодарное отношение к отчиму, к Бате, сделало наше общение совсем формальным. Он отвел меня, как сейчас помню, в Детский мир на Таганку. Купил мне какой-то свитерок, еще что-то купил. Я поблагодарил. А он сказал, что у него завтра будет хороший обед, и чтобы я приходил. В ту встречу я узнал, что у него в новой семье уже два сына подрастают.

Днепропетровск

В 1951 году наша семья переехала в Днепропетровск, где до 1957 года мы снимали 2 комнаты у отставного полковника в одноэтажном домике по улице Димитрова, 16.

В домовоей книге наша фамилия писалась через букву «п»: Копзон. Буква «б» появилась в ней, когда я получал паспорт. Почему? Да потому что Кобзон происходит от украинского слова «кобза», означающего струнный музыкальный инструмент...

Кстати, красивая могла бы получиться легенда, если еще вспомнить великого кобзаря Тараса Григорьевича Шевченко. Но нет, не получается. Скорее, если не обращать внимания на букву «б», случайно заменившую букву «п», то происходит фамилия от слов «коп» и «зон». А они, по-еврейски, насколько я понимаю, значат «голова» и «сын». Стало быть, «голова сына».

Два года я проучился в школе № 48, и я там был отличником. Собственно, я всегда был отличником, хотя и страшным хулиганом.

Мама была очень строгой. Она не прощала многие вещи. Например, сказала: «Быть в одиннадцать дома», значит, надо быть в одиннадцать. В первый раз можно было отделаться легким внушением, но если это повторялось, мама брала в руки веник. И хотя била она не больно, но почему-то на всю жизнь запоминалось. Значит, мамин метод был правильным. Помню, однажды не послушался я маму, вернулся поздно домой с гулянки и обнаружил, что дверь закрыта: мол, гуляешь – ночуй на улице! И я сидел на крыльце, ждал, когда мне, наконец, откроют.

Семилетку я окончил в Днепропетровске, на отлично окончил (у меня была только одна «четверка» по поведению), однако золотую медаль так и не получил. А все дело в том, что в 1952 году мне пришлось забрать документы из школы и поступить в Днепропетровский горный техникум.

Горный техникум

Почему именно в горный? Мы жили тогда очень скромно. Нет, мы никогда не были голодными, но я все равно решил, что пора самому зарабатывать на харчи. Я никогда не увлекался горным делом, но в то время горняки получали весьма серьезные деньги. И я решил заняться горным делом.

Поступив, получил стипендию. И тут произошла незабываемая история. Я побежал быстро в магазин и, купив на первую стипендию маме клеенчатый ридикюль (такую

сумочку женскую), вложил в него первый свой бумажный рубль. Но прежде, чем подарок дошел до мамы, меня перехватили мои сокурсники. А в техникуме тогда учились и ребята после армии, и бывшие шахтеры, и даже фронтовики, понюхавшие порошу. Одним словом – во всех отношениях самые настоящие мужики со своими, уже сложившимися, привычками. Ну, и как они могли упустить такой случай и не обмыть мою первую стипендию? И вот затащили они меня в какую-то забегаловку и заставили совершить акт посвящения в шахтеры. Заставили меня, пацана (а мне было тогда пятнадцать лет), выпить стакан водки, чего я до этого никогда не делал. Я сперва отказался. Как не захотел когда-то сделать наколки, которые считались признаком настоящего мужчины. Но мне сказали: «Ты просто боишься! Ты еврей! Ты испугался». И тогда я сказал им: «Ах так... Ну-ка, давайте!» В результате, на моих руках и плечах появились «мужественные» следы иголок. Сейчас я их все свел, одну только оставил. Но тогда «раскололся». Как пришлось «расколотся» и при посвящении в одну из самых мужественных профессий... Я сказал: «Я не пью водку!» А они сказали: «Ну, какой же ты шахтер, если не пьешь водку? Ты должен выпить хотя бы в честь посвящения».

И тогда я выпил целый стакан... и отключился... Больше ничего не помнил.

Но они оказались молодцы, они меня не бросили. Они меня на руках занесли в трамвай, доездили до дома и сбросили маме. И когда я оклемался, я еще получил порцию. Веником! Такой была моя первая водка. А ридикюль, купленный с первой стипендии, они передали маме. И она хранила его всю жизнь. Хранится он и сейчас, у сестры, с тем самым моим первым бумажным рублем.

Кстати, не буду лукавить, трезвенником я потом никогда не был. Но мне было вполне достаточно сто граммов в дружеской компании или после концерта для снятия напряжения. А теперь не пью вовсе – не потому, что такой правильный и хороший, а потому, что здоровье не позволяет. Не надо ханжествовать. Как говорил Горький, пьяниц жалею, а непьющих боюсь.

Мой старший брат Исаак не был в армии, так как у него было очень плохое зрение. Он потом уехал в Москву и стал учиться в педагогическом училище. А средний брат учился в техникуме, а потом пошел в армию. Леонид, старший брат по отцу, решил связать свою жизнь с армией, поступив в летное училище, а второй брат по отцу Григорий работал и одновременно учился в техникуме. Я же – в горном техникуме с четырнадцати лет. Отводил Гелочку в детский сад и пулей летел на трамвай, чтобы успеть к началу занятий.

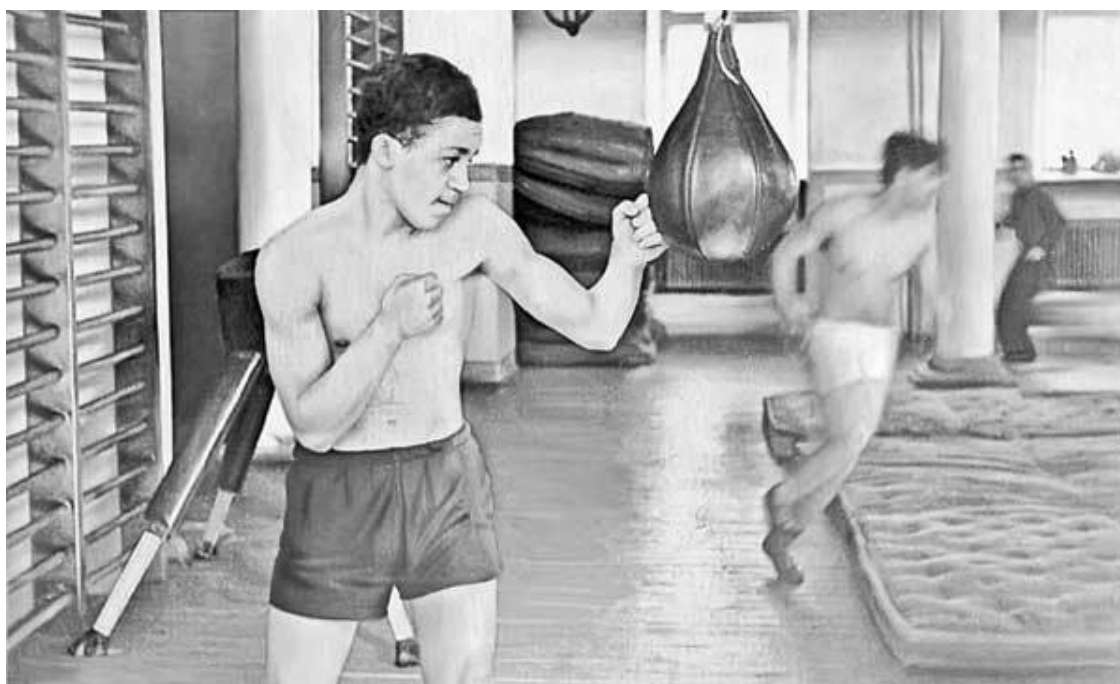
Мама в это время занималась хозяйством: она ушла с работы, так как Гелочка много болела. Это было непросто: вода во дворе (ее приходилось носить ведрами), печка, керосинка... И утюги тогда были не электрические... И стирать приходилось во дворе... Никто из нас не садился за стол, пока Батя не возвращался с работы – это было железное правило. Мыли руки, садились к столу, в центр ставилась кастрюля. Первому наливали борщ Бате. Каждый вечер по традиции был общий ужин.

Вскоре старший брат Исаак женился на девушке из подмосковного Пушкино и ушел из семьи (там, в Пушкино, он прожил всю жизнь, работал инженером на заводе). А первым женился Гриша. Зато вернулся Леня – ему пришлось уволиться из армии из-за того, что он

дал по физиономии одному офицеру за слово «жид». Он потом тоже женился, а Эммануил вернулся из армии и затем всю жизнь проработал в КБ имени академика Янгеля (их с женой уже нет).

Понятно, что горный техникум не был моим жизненным призванием, просто, как я уже говорил, в то время шахтеры, горняки, буровики хорошо зарабатывали. А мы жили достаточно скромно, и я чувствовал ответственность за всю семью.

Кстати, в годы обучения в техникуме, хоть художественная самодеятельность и оставалась моей стихией, я серьезно занялся боксом, стал чемпионом Днепропетровска среди юношей и выиграл чемпионат области. Помню, первый свой бой я выиграл. Потом выиграл второй. Выиграл третий. Выиграл и четвертый. Ну и... меня понесло, словно я непобедимый. Однако пятый бой уже в первом раунде закончился для меня нокаутом. Да-а-а. Я, как дурак, вознесся оттого, что выиграл четыре боя. И вот дальше оказалось, что нет мне соперника по весу. Есть соперник меньше меня по весу на категорию, но выше меня разрядом. Да к тому же левша. И хотя я с левой никогда не работал, я сказал: «Какая проблема? Я согласен». И вышел на ринг. И он меня тут же нокаутировал, чтобы я больше не воображал, что 1 м 81 см роста, 70 кг веса и дурную силу можно противопоставить лучшим знаниям и умению. Бокс – как жизнь – не тот случай, когда если сила есть – ума не надо! Было у меня всего 18 боев, и четыре из них я проиграл...

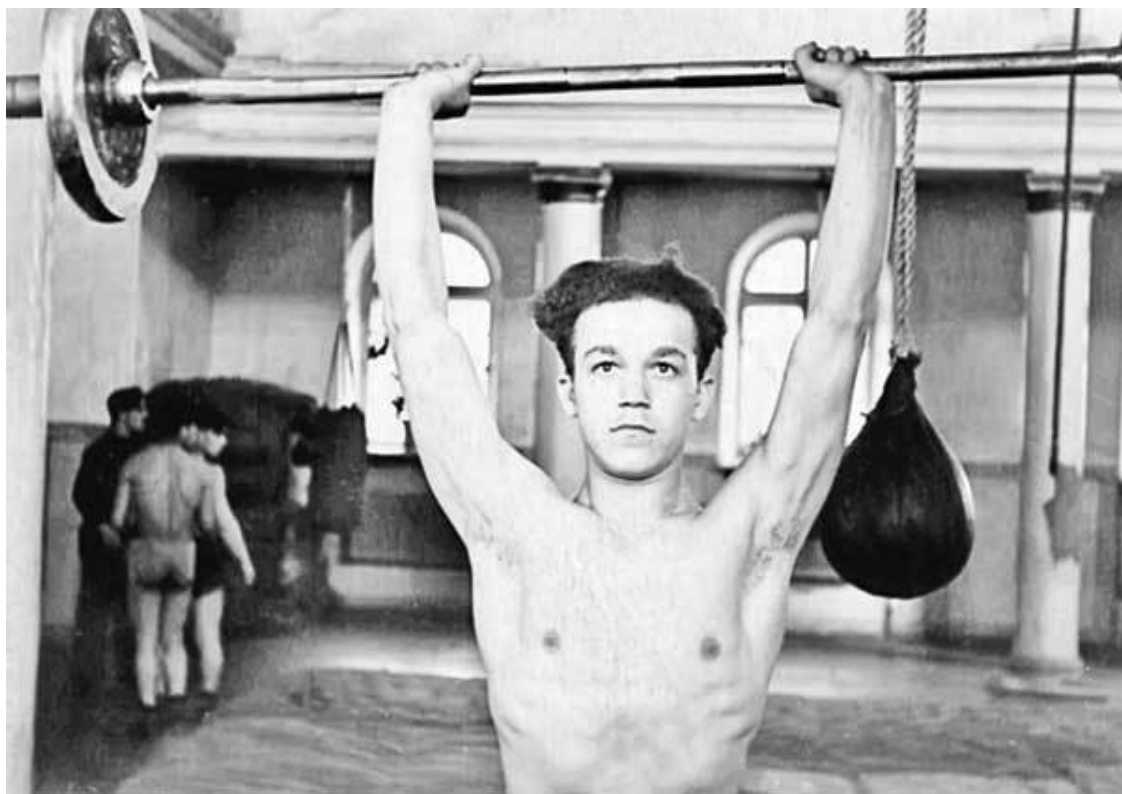
Конечно, то было мальчишеское увлечение. Надо же было куда-то тратить свою уличную энергию! Это счастье, что тратили на здоровье. Мы же были лишены всех тех благ, которые в изобилии имеют сегодня молодые люди. Телевизор, дискотеки, компьютеры. Зато были школа, самодеятельность, улица и, конечно, спорт.

Бокс – это вид спорта, который предполагает преодоление себя, упорство и труд. Но вообще-то я противник физических разборок. Зачем выяснять отношения физическим путем, если можно договориться?

К семнадцати годам я уже был достаточно взрослым юношей, потому что условий для баловства у меня практически не было. Учился, серьезно занимался спортом, а вечерами (в отсутствие увеселительных заведений в сегодняшнем понимании) мы ходили по проспекту Маркса. Бездумно ходили от Карла Либкнехта до Садовой. Это был у нас такой променад.

Ну, с девушками, конечно, ходили. Держась за ручки. Тогда другие были взаимоотношения. Мы дружили. Мы не говорили: «Я с ней сплю». Или: «Это – моя». Мы говорили: «Мы дружим». «Дружим» – это означало, что мы вместе ходим в кино, вместе гуляем по бульварам. А на бульварах... Как сейчас помню, как мы, мой сокурсник Жора Чебаненко (он на гитаре хорошо играл) и мой друг Володя Магилат, ходили на бульвар. Пели. Нас уже знали. Собиралась молодежь. Мы рассаживались на лавочках и пели любимые песни.

Жаль, что я не играл на гитаре. Очень об этом жалею. А почему не научился? А черт его знает. Я всю жизнь мечтал научиться играть на гитаре и выучить английский язык. И ни то, ни другое не осуществил.

Я часто увлекался, еще со школы. Но это были чисто платонические увлечения. Мне очень нравилось ухаживать за девушками, мечтать, вздыхать, петь им серенады. А моя первая любовь Дина Лацикова училась в горном техникуме. Потом я ушел в армию, оставив невесту. Только она меня не дождалась, вышла замуж за офицера и переехала в Подмоскowie. Сама мне побоялась написать, я узнал эту новость от друзей. Конечно, сильно переживал. У нее родился сын Андрей. Прошло время. Она рассталась с мужем, мы виделись после этого, но все к тому времени уже изменилось.

Интересная у нас тогда была жизнь. Любили смотреть с девушками кино в летних кинотеатрах. Трепетали даже от одного их взгляда, но не тащили девушек сразу в койку. Теперь люди, особенно молодые, очень много теряют от того, что делают это сразу. Многие сейчас даже не представляют, что такое дрожь при первом поцелуе. А с чем сравнимо ожидание близости, они вообще не знают. Жаль их, обворованных и ограбленных так называемой сексуальной революцией. Вместо человеческих чувств подсунили им животные ощущения.

А еще помню, однажды мне здорово попало от Бати. Закурил я на первом курсе техникума, в четырнадцать лет, и Батя буквально поймал меня за руку. Я быстро спрятал бычок в кулак, а он так сильно сжал мою руку, что я от дикой боли заорал. А он сказал: «Сынок,

никогда не прячься, не обманывай. Ты решил курить? Лучше не кури. Но если уж решил, не надо прятаться. Кури открыто, не унижайся». И знаете, эти уроки я запомнил навсегда.

В 1956 году я окончил Днепропетровский горный техникум. Закончив обучение, я взял направление в Воркуту. И поехал, если бы в том году меня не призвали в армию, в так называемый «целинный набор».

Тогда я работал в Никитовке, потом – в Горловке. Я знаю, что такое шахтерский труд. А что тогда творилось в День шахтера и День города в Донецке! Обязательно футбольный матч с участием команды «Шахтер». На площади Ленина всегда собирались карнавальные шествия... Какой праздник был! Круглосуточный. Помню, я ночью выходил на Артема – в два часа, в три часа ночи – народ гулял, народ неистово радовался этому празднику... И каждый раз в эти дни я приезжал на шахту имени Засядько к Ефиму Звягильскому, и каждый раз мы вместе с шахтерами отмечали этот день.

Не только Украина, но и Россия чтит и помнит его. День шахтера отмечают и в Кузбассе, а там нет разницы – шахтеры это или металлурги, это даже не профессия, а «национальность». Они – братья, они – настоящие патриоты своего труда. Им нужно кланяться, потому что их труд – самый опасный, самый тяжелый. И я рад, что могу сегодня хоть как-то поднять настроение моим братьям, моим землякам.

Да, я рос не в простой среде. Все-таки в Горном техникуме, где я учился, обучались в основном фронтовики, которые прошли суровую школу войны и всему знали цену. Ценили людей по их качествам, а не по национальности. Они в эти «игры» не играли сами и не допускали ничего подобного со стороны других. Ни-ког-да!

Мои первые публичные выступления состоялись на сцене техникума, я исполнял песни дуэтом с будущим чемпионом Украины по бадминтону Борисом Баршаком.

Учился я в техникуме в основном на четверки и получал значительную по тем временам стипендию – 180 рублей. И – странное дело. В детстве я всегда был отличник и одновременно хулиган. Но не в том смысле, что антиобщественный элемент, а просто никогда не отказывался подраться, если драться нужно было, как говорится, за справедливость. То есть я был хулиганом иной породы: мне нравилась роль Робина Гуда. Для мамы я оставался «сынулей», а улица уважительно звала своего командира Кобзя. Улица, конечно, затягивала и меня, но никогда не мешала хорошо учиться. У мамы сохранились похвальные грамоты с «Лениным и Сталиным», в основном, за мою учебу.

Техникум я достаточно успешно окончил. Это был знаменитый 1956 год, целинный год, когда был собран самый большой целинный урожай. А я оканчивал техникум, и у нас в августе должен был быть курсовой проект. Но нас собрали и сказали, что на щадящем режиме мы должны защитить эти свои проекты. И мы все закончили в июне месяце, получили дипломы и через два дня были призваны в армию.

Знаменитый целинный урожай того года нуждался в рабочих руках. Это сегодня некоторые дрожат, получая повестку, а тогда мы с радостью пошли. Провожала меня вся улица. Так я оказался на целинных землях в Кустанайской области Казахстана. А после целины, уже осенью, меня направили служить в настоящую армию.

Служба в армии

В армии я служил в артиллерийских войсках под Тбилиси, а потом меня пригласили в хор ансамбля песни и пляски Закавказского военного округа. Там было по-настоящему профессиональное обучение: и педагоги, и репетиторы, и хормейстеры. Тут-то я и понял, что петь – мое призвание.

Служил я не год, как сейчас служат, и не два года, как тогда служили, а целых три. В ансамбле песни и пляски я находился до демобилизации в 1959 году.

Скажу так: армия необходима для каждого сознательного мужчины. Трудно было мне, баловню бульваров Днепропетровска, служить, слушаться командиров. Однако я прошел через это и узнал на практике, что такое дисциплина. Армия нужна для каждого человека: она воспитывает в человеке долг и честь.

Армейские привычки пригодились мне на всю жизнь. Они помогают мне по утрам вставать, организованно собираться и постоянно заниматься делом. Благодаря им, я успеваю восстанавливать силы за пять-семь часов и работать по шестнадцать часов в сутки. Я привык вставать, потому что надо. Звенит будильник. Я, конечно, не вскакиваю, как солдат, но и не задерживаюсь в постели, как лежебока.

И, между прочим, никакой дедовщины у нас не было. Мы занимались спортом, изучали военное дело и всегда готовы были встать на защиту нашей Родины. Есть такая песня Михаила Матусовского «Поле Куликово», в ней поется: «Ты ответь, моя Земля, ты скажи хотя бы слово: где находится оно, наше поле Куликово?» Для каждого человека та земля, на которой он стоит – и есть то Куликово поле, которое ему нужно защищать.

Расскажу об армии подробнее. Мы тогда, не оформив толком дипломные работы, без принятия присяги, прибыли на месяца в Казахстан в составе армейских частей, направленных на уборку хлеба. А уже оттуда в «телятниках» нас стали развозить по местам службы. Так я попал в артиллеристы – в полусотне верст от Тбилиси. Благодаря своему боксу, футболу и умению петь, я скоро вышел в число людей, которые постоянно должны были на разных смотрах представлять лицо дивизии. Это, в конце концов, и определило мою судьбу. Меня заметил и взял к себе художественный руководитель и главный дирижер Ансамбля песни и пляски Закавказского Военного округа, а впоследствии и народный артист Петр Мордасов.

Взял он меня в хор с прицелом сделать солистом. Но отпускать из части меня не хотели. Я мучительно долго ждал. Мне устраивали всякие пакости. То во время караульной службы подсовывали неприятности, то провоцировал старшина, да так, что мне пришлось его бить.

Этот старшина, кстати, здорово повлиял на мой воспитательный процесс. Я (после техникума) был уважаемой среди пацанов личностью. Еще бы: чемпион по боксу, отличник, знал уже горячие аплодисменты за исполнение песен. И ростом, и телосложением вышел так, что на меня поглядывали многие девушки. И вдруг – старшина, земляк из Донбасса. Фамилия его была Лысько. Небольшого такого росточка – метр пятьдесят с чем-то. И вот он

над нами: «А-а-а... Обра-зо-ван-ные прый-ихалы. Ну, шо? Побачим, чим можно способствовать вашему образованию». И начал нас ломать. Я переживал жутко! Однако потом был ему благодарен, потому что научил он меня внутренней дисциплине, коллективизму, выдержке, терпению. Армия, конечно, великое дело. И хотя старшина был для меня самым тяжелым человеком, со временем я понял, что значил он как наставник.

Со мной в армии такая история произошла. Я закончил школу сержантского состава, но меня разжаловали. Я охранял пороховой склад и заснул. И меня посадили на гауптвахту на пять суток. Когда я подметал караульное помещение, мимо забора проходил один сержант и говорит: «Так тебе и надо». А я вел самодеятельность, пел солистом, и исполнял песню «Мама, что на свете тебя милее». И этот маленький сержантик говорит: «Это тебе не «Маму» петь». Ну, я психанул и врезал ему. Мне к пяти суткам добавили еще десять суток. А Петр Мордасов уже требовал, чтобы меня немедленно отправили в распоряжение ансамбля. И тогда в части сказали: «Ах, так? Разжалуйте Кабзона до рядового, и пускай катится к черту». И меня разжаловали...

В конце концов, я прибыл в Тбилиси и впервые запел в профессиональном ансамбле. Тут-то мне и дали понять, чем должен я заниматься в жизни, и как можно совершенствоваться в этом деле.

Я тогда стал впервые задумываться о том, что хотел бы петь на сцене. С этим я пришел за советом к маме, и она осторожно сказала: «Сыночек, ты же знаешь, что ты в Москве все равно не поступишь без блата, и денег у нас нет, но ты попробуй». И я решил попробовать.

Когда вернулся после армии в Днепропетровск, все домашние готовились к тому, что я поеду по распределению на буровую в Воркуту, а я заявил, что хочу в Москву, учиться. У братьев шок: все надеялись, что я буду работать, помогать семье, а я опять учиться вздумал. Тоже артист нашелся! Все уже так устали от нищеты! «У тебя же диплом! Зарабатывай деньги, мы тебя для чего учили?» – пытались меня урезонить. Но я решил твердо – в Москву!

Кстати, тогда только Батя промолчал. Потом сказал: «Сынок, ты уже взрослый и поступай, как считаешь нужным!» А мама заплакала: «Сынуля, надо же...»

Здесь, уважаемый читатель, я прервусь, чтобы сделать примечание. Дело в том, что в армию я ушел в весе 70 кг, а возвратился с весом 90. Я жутко окреп. Продолжал заниматься спортом и был физически здоровым невероятно. Но вопрос был в другом: из одежды-то я вырос, а покупать новую было не на что. Поэтому я по-прежнему вынужден был ходить в военной форме. В форме поехал я и в Москву. Но не потому, что хотел вызвать снисхождение экзаменаторов или жалость приемной комиссии, а потому, что, правда, нечего было надеть. Вот поэтому и заплакала мама моя.

Поступление в институт имени Гнесиных

После демобилизации в 1958 году я устроился работать лаборантом в химико-технологический институт Днепропетровска. Точнее – так. Моим учителем пения после увольнения в запас из армии стал Леонид Терещенко, руководитель хора Днепропетровского дворца студентов. Он готовил меня к поступлению в Одесскую консерваторию. После хоровых упражнений мы занимались по индивидуальной программе. Как-то раз он вошел, а я стою на сцене и исполняю какую-то песню, при этом так напрягая горло – ужас! Я старался звучать должным образом на фоне эстрадной «меди»! Леонид Иосифович говорит мне: «Горлань, конечно, на здоровье, но голос ты так посадишь». Мне же нельзя было надрываться до того, как он окончательно поставит мне вокал, который звучал день ото дня все лучше и лучше. И эстраду я петь тогда перестал. А чтобы помочь мне, Терещенко устроил меня в бомбоубежище Днепропетровского химико-технологического института протирать спиртом противогазы. С окладом 50 рублей.

Так я заработал денег на дорогу, приехал в Москву... и поступил на вокальный факультет Государственного музыкально-педагогического института имени Гнесиных.

Я приехал в солдатской форме после службы в армии. Приехал в Москву! Никто тогда не поверил, что я смог сам поступить, и все спрашивали в Днепропетровске у мамы, сколько мы за это дали? А мы ничего не дали, нам нечего было давать.

Леонид Иосифович был для меня не просто учителем, он был другом, наставником. Прекрасный музыкант и педагог, он помог мне подготовить хороший репертуар. На вступительных экзаменах я исполнил каватину Алеко Сергея Рахманинова, пел романсы Бородина, украинские песни...

Институт имени Гнесиных... Знаменитая Гнесинка... Там я учился у Любови Владимировны Котельниковой и Георгия Борисовича Орнатлихова. По окончании этого института меня ожидала карьера либо оперного певца, либо солиста филармонии с камерным классическим репертуаром, либо преподавателя пения. Но, похоже, я уже тогда чувствовал, что Провидение заготовило для меня что-то другое.

Короче говоря, студента вокального факультета Гнесинки так увлекли совершенно иные музыкальные горизонты, что я стал всеми правдами и неправдами пробиваться на большую эстраду.

Первое самостоятельное выступление

Мое первое самостоятельное выступление состоялось в декабре 1959 года на авторском концерте Аркадия Островского. Я был тогда очень молодым и не был лично знаком с этим композитором. Я взял его в буквальном смысле штурмом и натиском.

Наша первая личная встреча с Аркадием Ильичом состоялась в Доме композиторов в Москве на Миусской площади. Тогда там был еще старый Дом композиторов. Будучи студентом Гнесинского института, я пришел на встречу. После выступления Аркадия Ильича подошел к нему, и он почему-то дал мне свой домашний телефон. Матильда Ефимовна, его супруга, царство небесное им обоим, подходила к телефону и спрашивала: «Кто это?» Я отвечал: «Вокалист». Ну, как бы я назвался: «Это Кобзон»?

На первом концерте, куда меня пригласил Аркадий Ильич, он объявил меня не «Иосиф Кобзон», а «Юрий Златов». Я не понял, стою за кулисами, а он меня подталкивает: «Выходи, выходи». Я вышел, спел, потом подхожу к Аркадию Ильичу: «Почему вы меня так называли?» – «Сюрприз, теперь это будет твой артистический псевдоним». – «Я не хочу». – «Да ты что, с ума сошел? Ты со своими еврейскими именем и фамилией хочешь карьеру сделать?» – «Мать мне дала это имя, фамилию, я не могу носить другие». – «Ну, поступай, как хочешь, но потом ты поймешь, что я был прав».

К счастью, он ошибся.

А потом, в том же 1959 году я стал штатным солистом Всесоюзного радио, а через три года – Москонцерта. И я бросил институт, в котором меня настойчиво готовили к оперной деятельности.

Цирк на Цветном бульваре

Но это все было чуть позже, а в 1958 году, параллельно с учебой в институте, я начал работать в цирке на Цветном бульваре в программе знаменитого циркового режиссера Марка Соломоновича Местечкина «Куба – любовь моя». В прологах и эпилогах надо было петь. Там были вокалисты, которые пели песню «Мы – артисты цирковые...». И я тоже напросился ее петь. Пел сам и в составе квартета. Пел эту песню и еще песню «Куба – любовь моя» из спектакля с музыкой Александры Пахмутовой. Так я начал работать по специальности и получать за каждое выступление по три рубля. Выступлений было, как минимум, девять в неделю. Можно представить, каким я стал сразу богатым человеком. Иногда в месяц «набегало» 120–140 рублей. Так для меня наступила совсем другая жизнь.

Цирк не только поддержал меня материально, но и дал возможность видеть настоящий творческий труд – труд до изнеможения, до кровавых мозольных ссадин, до выяснения отношений и т. п. Когда говорят, что Кобзон – феномен, много работает, мне хочется возразить: да никакой я не феномен, просто еще в цирке меня научили относиться к своей профессии с уважением и почитанием.

Кстати, недавно я был на цирковом фестивале в Сочи. Туда приезжал и знаменитый артист Олег Попов. А ведь мы были с ним знакомы с 1958 года. Тогда главенствовали цирковые династии: семья Кио, семья Запашных (тогда еще не было известных сегодня братьев Запашных), Олег Попов, Юрий Никулин и Михаил Шуйдин. То, что Олега Константиновича не было в России 27 лет, очень печально. И он это ощутил, когда вышел на манеж: народ встал, громогласно приветствуя любимого артиста.

Страна его, безусловно, обидела. Мы – артисты – тогда зарабатывали, получая так называемые тарифные ставки, а он много средств тратил на лечение первой супруги Саши. Все его деньги, которые были на сберкнижке к моменту развала СССР, пропали. Олег сказал, что не хотел быть нищим, поэтому и уехал. Слава Богу, у него сложилась судьба за границей.

В Сочи глава Росгосцирка Вадим Гаглов предложил Олегу Попову организовать в России школу клоунады. Сегодня искусство так называемых коверных утратилось, а в СССР был расцвет: Леня Енгибаров, Карандаш (Румянцев), Вяткин, Олег Попов, Никулин и Шуйдин. Целое созвездие!

К сожалению, 2 ноября 2016 года Олега Константиновича не стало...

Общежитие на Трифоновке

В Гнесинском институте мне как бывшему солдату дали место в общежитии на Трифоновке. Старое общежитие, в комнате девять человек. Потом институт построил рядом новое здание, и селили уже по четыре человека. Роскошь!

В сентябре нас, первокурсников, сразу же отправили на картошку. Я был бригадиром, в моей бригаде работали «неслабые» ребята вроде Давида Тухманова и Карины Лисициан. Никто, естественно, собирать картошку не хотел, и я как бригадир должен был всех заставлять работать. А колхозники объявляли нам норму – попробуй не выполни. Я был довольно требовательным бригадиром, сам работал и других подгонял. Даже перевыполнял норму – старался на трудовни заработать себе на зиму провиант. Привез в общежитие мешок картошки и хранил под кроватью.

Мама в фанерном ящичке присылала мне сало, и мы с моим соседом и земляком Толей Сумским по очереди жарили картошку. У нас потрясающий режим был: выходишь на общую кухню, ставишь свою сковородку, нарезаешь сало... Как только сало расплавилось – сверху картошечку. И жаришь. Хлеб, естественно, черный из гастронома у Рижского вокзала. И вот каждое утро картошечку с салом (а я ее до сих пор такую только и люблю) ели и запивали холодной водой. Тогда еще можно было пить прямо из-под крана.

А по субботам и воскресеньям устраивали «банкеты» на сэкономленные деньги – всю неделю ездили в транспорте «зайцами». Накупали лакомств и бутылочку, приглашали девочек из соседних комнат и до утра танцевали в Ленинской комнате...

А стипендия у нас тогда была 180 рублей в старых деньгах или с 1961 года – 18.

День у нас начинался с того, что в семь утра я выходил в коридор, занимался зарядкой, притом плотной зарядкой. Здоровый был как черт. Я на руках и на ногах, опираясь о противоположные стенки коридора, взбирался до потолка и там в такой распорке зависал и ждал. Это была у меня любимая утренняя шутка. У нас одна половина была мужская, другая женская, а кухня общая. И вот выходит на кухню девчонка. Заспанная. А я перед нею с потолка ба-бах, падаю. Можете себе представить, какой там был визг и ужас.

Классное время было!

Я был членом комитета комсомола, в котором отвечал за культурно-массовую работу. Я взял на себя этот сектор, потому что в то время все театральные и музыкальные ВУЗы имели свою квоту студенческих пропусков в театры и концертные залы. Я эти пропуска распределял и поэтому каждый день сам куда-то ходил, то в Большой зал Консерватории, то в Большой театр. На концерты Лемешева, Козловского. Мы ходили по музеям, по театрам, слушали много музыки, общались с замечательными актерами, музыкантами, выпивали в себя все, словно губка. Интеллект провинциального паренька в солдатской форме очень обогатился в этом удивительном «комбинате».

Это было очень веселое время. У меня появилось много новых друзей. В новом общежитии было пять этажей и на каждом – шукинцы, мхатовцы, щепкинцы, суриковцы и гнесинцы. Например, моими соседками были Лия Ахеджакова, Лионелла Скирда, будущая жена Олега Стриженова. Обстановка была очень благожелательной и дружеской. Никто не говорил: «Мы – мхатовцы, а вы кто?» На каждом этаже – кухня и Ленинская комната. В выходные – общий праздник, все ходят друг к другу в гости. Конечно, случались какие-то недоразумения, и тогда мне приходилось со всей строгостью «разбираться». Я ведь старался быть лидером, а раз так, значит, надо было соответствовать. Ко мне приходили с жалобами: кто-то кого-то задел, кто-то что-то натворил, кто-то кому-то изменил, кто-то насплетничал... Я старался помочь.

И драться из-за женщин приходилось, причем неоднократно. Однажды драка вышла настолько серьезной, что я даже боялся, что возбудят уголовное дело. Один товарищ на моем этаже очень серьезно пострадал. Я ему сломал челюсть. Этот балалаечник так довел меня и окружающих, что пришлось поговорить с ним по-мужски. Потом я долго носил ему бульончики в Институт Склифосовского... В общем, немного понервничал, пока тот не выписался из больницы и не забрал из милиции свое заявление.

Второй раз я подрался на танцах. Приревновал свою девушку. Что тут поделаешь? Человек не сориентировался и пригласил на танец мою подругу, югославку. А она решила меня подзадорить. Стала с ним кокетничать, а потом пошла танцевать. Ну, я... и прервал их танец.

Первые успехи на эстраде

В 1959 году я начал выступать на эстраде в дуэте с однокурсником Виктором Кохно. Первым нашим композитором был Аркадий Ильич Островский, встреча с которым определила во мне будущее певца. Его песни «Мальчишки, мальчишки», «Ты слышишь, Куба», «Возможно», «Песня остается с человеком» всем сразу же полюбились.

Наша первая встреча с Островским произошла, когда я пришел в цирк. Я хотел петь его песни, а он отвечал: «У меня много солистов». Тогда я сказал ему, что готов петь в дуэте. Он отвечал, что и дуэты у него уже есть: например, Владимир Бунчиков и Владимир Нечаев. Но я был очень настойчив, звонил ему домой днем и вечером. Жена Аркадия Ильича Матильда Ефимовна, которой я тоже порядком надоел, сказала мужу: «Сделай уже что-нибудь с ним!» И тогда Островский уступил: «Ну, ладно! Найди себе тенора, и будете у меня петь дуэтом». Я пригласил своего сокурсника Виктора Кохно, и мы начали работать вместе.

Наш дуэт просуществовал довольно долго. Мы стали буквально нарахват. В нашем репертуаре появились песни композиторов Долуханяна, Фрадкина, Френкеля, Пахмутовой, Колмановского, Мурадели, Туликова и др. Не было ни одного авторского вечера в Колонном зале Дома союзов или в Доме композиторов, в котором мы не выступали бы. Мы очень старательно работали и пели очень хорошие песни. Отсюда и пошла любовь зрителей к тем песням, что мы исполняли.

Вечная занятость, связанная с кропотливой работой над песнями, привела к тому, что у нас начались проблемы в институте. Ректор поставил вопрос ребром: или – или? Виктор Кохно выбрал институт, а я стал работать самостоятельно, поехал с сольными концертами на Дальний Восток и в Сибирь.

Подчеркну еще раз: ради эстрады я пожертвовал Гнесинкой. А вот Виктор – нет. Он хотел заниматься камерным творчеством. Я тоже это люблю, даже спел в шести оперных спектаклях, но еще с художественной самодеятельности мне понравилась именно песня. И я пожертвовал Гнесинкой, чтобы слетать в Благовещенск, а вот Виктор отказался. Он окончил институт и не прижился в оперном театре. Мне потом пришлось его устраивать как эстрадного исполнителя в Москонцерт. Это был выход из положения, чтобы заработать на жизнь. Безусловно, все это его расстраивало, Виктор начал выпивать и в 2010 году ушел из жизни. Он был прекрасный человек, замечательный лирический тенор.

А вот я навсегда полюбил песню. Я был предан ей. Я даже пожертвовал своими занятиями в институте на какой-то период времени. И у меня с годами дружба с композиторами становилась более тесной, а творчество – плодотворным. Появились такие известные песни, как «Морзянка» Колмановского, и, наконец, в марте 1962 года, в передаче «С добрым утром!» – первые песни дворового цикла «А у нас во дворе» Аркадия Островского.

А в 1961 году я впервые выехал в творческую командировку в Венгрию с Эдуардом Колмановским и Константином Ваншенкиным.

Еще помню, когда вернулся из космоса Юрий Гагарин, мы выступали на приеме в его честь с композитором Аркадием Островским. Тогда я еще пел в дуэте с Виктором Кохно. И хотя мне уже приходилось выступать перед Хрущевым, тот прием позволил находиться особенно близко, и я смог рассмотреть, как Никита Сергеевич поднимает рюмку за рюмкой...

В тот день, кажется, 14 апреля 1961 года, мы пели любимую песню Гагарина «Мальчишки, мальчишки» и написанную специально для этого случая космическую песню «На Луну и на Марс». В этот же вечер мы познакомились и с самим Гагариным на «Голубом огоньке» на Шаболовке. Но тогда еще особой дружбы не случилось, а вот, когда в августе полетел Титов, с Германом мы подружились сразу.

И я стал приезжать к ним в гости. Они жили тогда в Чкаловской. Звездного городка еще не было. Я приезжал к ним. Они – ко мне. Я тогда уже снимал комнату в коммунальной квартире на Самотечной площади. Дружба наша крепла. Мы познакомились с еще не летавшими космонавтами: с Лешей Леоновым, с Пашей Поповичем, Валей Терешковой, Валерой Быковским и Андрианом Николаевым. Перезванивались, договаривались, когда встретимся. Звонит как-то Герман. Говорит: «Приезжай. Научишь нас петь свои новые песни. Особенно нравится мне «Девчонки танцуют на палубе». Я, конечно, обрадовался: а кому было бы неприятно такое услышать? Тем более от героев космоса. Это сейчас многих из них забыли. Тогда же это была особая честь – иметь возможность просто разговаривать с такими удивительными людьми. А когда все вместе они приезжали ко мне на концерт, то для меня это был вообще какой-то невероятный успех и особый подарок.

Не забуду, как встречали Новый год на квартире у Юры Гагарина в Чкаловском. Он только вернулся из Латинской Америки и разыгрывал всех заморскими штучками, например, исчезающими чернилами или взрывающимися сигаретами. В общем, хулиганили мы нормально. Душу отводили так, что никто себя не чувствовал одиноким.

В 1962 году я начал самостоятельные сольные выступления, пел «Бирюсинку» Эдуарда Колмановского на слова Льва Ошанина и песни цикла «А у нас во дворе» Островского. В том же году вышла первая пластинка песен Аркадия Островского и Александры Пахмутовой в моем исполнении.

В 1959–1962 годах я был солистом Всесоюзного радио, в 1962–1965 годах – солистом-вокалистом Росконцерта.

В 1964 году, после появления в эфире песни Аркадия Островского «А у нас во дворе», ко мне пришла всесоюзная популярность. Тогда же я стал лауреатом Всероссийского конкурса артистов эстрады и Международного конкурса в Сопоте (Польша). В том же году мне было присвоено звание «Заслуженный артист Чечено-Ингушской АССР».

А в 1965 году я принял участие в международном конкурсе «Дружба», который проходил в шести социалистических странах, и завоевал первые места в Варшаве, Берлине и Будапеште.

Никита Сергеевич Хрущев

Мне очень запомнилась встреча с Никитой Сергеевичем Хрущевым. Это, когда было его 70-летие, 1964 год. Я был искренне восхищен, когда он в ответном тосте вдруг говорит (а перед этим его уже так облизали со всех сторон)... И вдруг он говорит: «Вот вы говорили, какой я хороший. А я себя сам знаю хорошо. И если бы мне сказали, что бы ты отметил к своему юбилею из своей жизни важного и интересного, я бы отметил три дела. Первое это то, что мне удалось спасти московскую партийную организацию. Дело было так. Уже после того, как был уничтожен цвет ленинградской партийной организации, меня вызвал Сталин и дал список. В списке было двести фамилий самых лучших людей Москвы. Сталин сказал, что эти люди подлежат уничтожению: они – враги народа. Я в то время был секретарем горкома партии Москвы. «Пожалуйста, подпиши и передай Лаврентию», – сказал Сталин. На что я ответил: «Хорошо». Забрал список и ушел. Я был в шоковом состоянии, потому что не мог даже предположить, что такие люди могут быть уничтожены. Я знал, что Сталин ничего не забывает. Поэтому, когда прошел месяц, раздался звонок. Звонил Сталин: «Ну что, Никита? Принял решение?» Я пришел к нему и приписал 201-ю фамилию «Хрущев Никита Сергеевич». Отдал. Сталин посмотрел и говорит: «Ну, что? Смело. Смело. Хорошо. Иди. Разберусь». Так были спасены лучшие силы Москвы.

Второе дело – это то, что я колхозникам дал паспорта. До этого они были привязаны каждый к своему месту работы, как крепостные крестьяне, и никуда не могли уехать. Крестьяне в России вообще всегда жили без паспортов. И я, можно сказать, дал им волю.

Третье дело, конечно, – карибский кризис...»

Мне так понравилось это выступление Никиты Сергеевича, что я буквально влюбился в него. Это была личность! И теперь каждый раз, когда слышу плохие разговоры о нем, я думаю: «Какие же мы неблагодарные! Человек сделал столько интересного и значительного, а мы выискиваем только то, почему он плохой». А почему, собственно, плохой? Многие же и понятия не имеют, что это за человек, а уже готовы определения «волюнтарист», «самодур», «властолюбец»... Разве так можно?

Я хочу сказать вот что. Надо уважать президентскую власть. Мы все – граждане своей страны. Не обязательно заставлять всех граждан обожать своего президента, но уважать его мы обязаны. Потому что большинство наших соотечественников его избрало. Вот Америка, которую я не очень люблю по объективным причинам, избранного президента, сколько бы ему ни было лет, всегда именует «мистер президент», до конца дней. А мы всех, кто руководил нашей Россией и дореволюционной, и революционной, и советской... Мы никого не уважаем. И Ленин, и Сталин, и последующие руководители – Хрущев, Брежнев, Горбачев и Ельцин – ну абсолютно все нашим обществом, так сказать, охаяны. А это неприятно.

Кстати, моя популярность уже в 1960-е годы у кое-кого вызывала раздражение. Но я не пел песен о Хрущеве и потом о Брежневе, я пел песни о подвиге, о Великой Отечественной войне. Да, потому что это прошло через мою жизнь, потому что я – дитя военного времени. И трудовой подвиг меня всегда восхищал, потому что я ездил на стройки в Братск, в Тынду, на БАМ и т. д. Да, я очень люблю быть где-то на передовой и общаться с теми людьми, которые работают в экстремальных условиях, проявляют себя и этим отличаются от обычных людей.

Первый брак

Со своим отцом я встретился еще раз, когда уже стал известным артистом: просто мне очень нужна была московская прописка. Я все же собирался окончить Гнесинский институт, и, чтобы расти дальше, необходимо было остаться в Москве. Весь Советский Союз распевал мои песни: «А у нас во дворе», «Бирюсинка», «Морзянка», «Пусть всегда будет солнце»... Да мало ли было успехов, которых я успел добиться на эстраде, но, как назло, у меня не было пресловутой московской прописки. И отец не отказал мне. Это был 1964 год.

И вот, как только мне разрешили прописаться в Москве, я приобрел себе двухкомнатный кооператив на Проспекте Мира, в доме 114а. И начал жить в своей собственной квартире. Правда, на первом этаже, так как это оказалась единственная квартира, которая еще оставалась непроданной. И как только она у меня появилась, в 1965 году, я женился на Веронике Кругловой – солистке Ленинградского мюзик-холла, которая прославилась песней Аркадия Островского «Возможно, возможно, конечно, возможно...» и песней Оскара Фельцмана «Ходит песенка по кругу».

С Вероникой мы познакомились в Ленинграде на сборных концертах. Потом встретились опять же на концертах в Москве. Один из них проходил на даче ЦК комсомола в Переделкине, а потом там был организован для нас прием. И некий комсомольский вождь стал за Вероникой приударять. Но она была категорически против каких-либо отношений с ним. И я оказался рядом, чтобы помочь ей избавиться от назойливого кавалера. Девушка была благодарна мне, мы с ней стали встречаться, и через три месяца сыграли свадьбу в «Гранд-отеле» гостиницы «Москва», где был весь цвет столицы – композиторы, поэты, артисты...

Как-то так получилось, что вскоре после свадьбы она стала работать в концертной бригаде Игоря Гранова. А это значит: она – в одну сторону, я – в другую. И случилось так, что я узнал о ее теплых отношениях с композитором, царство ему небесное, Леонидом Гариным. Я таких вещей не прощаю.

Короче говоря, жизнь наша не сложилась. Она постоянно была на гастролях со своим коллективом, а я гастролировал со своим. Так в бесконечных разъездах и ссорах мы прожили

около двух лет. Разумеется, это ни к чему хорошему не привело, и мы, в конце концов, разошлись.

Кстати, когда я женился на Веронике, мне уже исполнилось двадцать семь лет. Мама переживала по поводу моего брака, но не вмешивалась. Ей не нравилось, что я женился на певице. Мы, действительно, много ездили по стране, и до меня доходили слухи о ее недостойном поведении. Когда мы встречались, начинались бурные выяснения, а мама еще жила в Днепропетровске и жутко расстраивалась. Однажды она сказала: «Так нельзя, сынок. Или вы будете жить вместе, или ничего не получится».

Однажды, было это в 1967 году, приезжаю домой после гастролей, а Вероники все нет и нет, я даже стал беспокоиться. Смотрю в окно, и вдруг вижу, что она выходит из машины с одним композитором. Выяснили отношения, после чего мы с Вероникой расстались. Я оставил ей квартиру, в которую она потом благополучно вселила своего второго мужа, тоже баритона, Вадима Мулермана.

А вот еще интересный и в то же время вопиющий по своей вероломности факт. Бывший поклонник Вероники – журналист из «Советской России» – решил воспользоваться информацией о наших отношениях, которой она с ним делилась по старой дружбе, и опубликовал обо мне лживый разгромный материал под заголовком «Лавры чохом»². Мало того, там же он задался вопросом: «Как такой аморальный тип мог получить высокое звание заслуженного артиста Чечено-Ингушской АССР?» А мне как раз в 1964 году присвоили это звание...

В чем меня только ни обвинил этот ревнивый журналист: и в алкоголизме, и в аморальном образе жизни, и в каких-то проступках, которые противоречили кодексу строителя коммунизма... В конце статьи он вынес «вердикт»: Кобзону нужно запретить выступать в Москве и Ленинграде, и, конечно же, по радио и телевидению. Так меня в первый раз отлучили от ТВ...

Каюсь, отчасти это корреспондент был прав: по молодости были в моей жизни и алкоголь, и женщины. Но все – в меру! Никогда я не был ни бабником, ни пьяницей. Как все молодые люди, любил повеселиться, сбросить стресс после изматывающих гастролей, многочасовых концертов, многодневных переездов. Все! Кроме того, известно, что сердце пьяницы, как правило, не выносит постоянных перелетов, не говоря уже о сольных концертах, на которых, если хочешь оставаться востребованным, должен всегда работать вживую и на полную силу...

Но, тем не менее, этот, с позволения сказать, «журналист» умудрился организовать на меня поклеп на весь Советский Союз. И я целый год, пока разбирались, что к чему, не имел права выступать, как раньше. А все потому, что в те годы если газета напечатала критический материал, это было хуже приговора, потому что приговор обычно дается на какой-то срок, а выступление газеты могло действовать хоть до конца жизни. Это сейчас газеты могут писать, что угодно, и на их «расследования» не реагируют. А в те времена... Тогда, если бы не группа замечательных композиторов во главе с Ваном Мурадели, я, возможно, и не поднялся бы.

Вано Ильич пошел тогда к главному редактору «Советской России» и принялся объяснять, что ряд известных людей, которые хорошо знают Кобзона, возмущены написанным, потому что это совершенно не соответствует действительности. На что главный редактор ответил: «Наверное, это так. Но правда – это мы!» Это на языке тогдашних газетчиков означало, что советские газеты просто по определению не могут писать неправду!

² Речь идет о статье фельетониста Ю. Дойникова в номере «Советской России» от 25 февраля 1965 года. В ней говорилось: «Тем более недопустима безответственность, с какой подчас присваиваются почетные звания в Чечено-Ингушской АССР. Лавры нельзя раздавать чохом!» (примечание редакции).

Вот таким было мое первое отлучение от ТВ. И, кстати, на это время меня заменили срочно вызванным из Ленинграда Эдуардом Хилем.

Как же повезло тогда Хилю! А все дело в том, что как раз на это время пришелся юбилейный концерт Аркадия Ильича Островского в Колонном зале Дома Союзов. Он был в расстройстве, не знал, что делать, как заменить мой репертуар. И тогда он пригласил Эдуарда Хиля из Ленинграда, и все его новые песни – «Как провожают пароходы», «Лесорубы» и другие – попали в репертуар Хиля. А до этого песни Островского, начиная с «А у нас во дворе», были моими.

Что же касается Вероники Кругловой, то, расходясь с ней, я чувствовал: у нас с ней нет никаких связующих элементов. А я ждал от семьи гораздо большего. Когда женщина уходит от мужчины, она никогда о нем плохо не скажет, только разве что «ну, так получилось». Но ни одна не простит мужчине его уход. От Вероники я ушел... И все-таки разошлись мы спокойно. Без всякой грязи. Но развод я перенес болезненно.

Через много лет мы встретились с ней в Америке, куда она уехала еще с Мулерманом, а потом разошлась – подвернулся ей под руку другой. И мы спокойно пообщались. Во всяком случае, никакой болезненной реакции на меня она не испытывает. Ее нынешний муж, Игорь, подошел ко мне и сказал: «Извини, что так получилось». А я ответил: «О чем ты говоришь? Я очень за вас рад». Действительно, давно все это было...

История с пропиской родственников

Моя опала длилась больше года. А затем я вновь появился на голубых экранах, и мои песни стали крутить по радио. На концертах меня по-прежнему объявляли: заслуженный артист Чечено-Ингушской АССР. И в этом статусе в 1968 году я стал лауреатом конкурса «Золотой Орфей», проходившего в Болгарии. А до этого, в 1966 году, я стал лауреатом Всесоюзного конкурса исполнителей советской песни.

Помню, в 1968 году мама, сестра и Батя без предупреждения приехали в Москву. Я-то думал: погостить, а они продали наши полдомика в Днепропетровске и приехали насовсем. В буквальном смысле слова, свалились мне, как снег на голову. Мама просто не представ-

ляла, что это для меня может значить. Она была уверена, что ее сын достиг таких высот и такого положения, когда вообще не может быть по жизни особых проблем. Поэтому она и приехала, ничего предварительно не сказав мне.

И вот я возвращаюсь с гастролей, а у меня в доме – мама, папа и сестра. Я говорю: «О! Какая радость, Батя. Молодцы, что приехали. Давно не виделись... Какой же я счастливый человек!» И тут мама моя загадочно так говорит: «Сынуля?» Я говорю: «Что?» – «Ты действительно счастливый человек?» – «Действительно, мамуля!» И тогда мама моя объявляет: «Мы приехали к тебе навсегда...» – «Чего? Как это навсегда?» – у меня аж челюсти свело. После такой моей реакции все удивились еще больше. Они даже не могли себе представить, что значит в Москве получить прописку, да еще сразу для трех человек, когда я сам еле-еле получил ее для себя одного. Лишив сами себя прописки в Днепропетровске и, не имея прописки в Москве, они обрекали себя на подвешенное и во многом бесправное состояние.

Потрясающая это была история. Я был в шоке от создавшегося положения. «Господи, что же мне теперь с ними делать?», – спрашивал я себя. И что я только не вытворял, чтобы прописать их! Я развел мать с отцом... Какие слезы были! А как я организовал брак сестры со своим конферансье?! Их же нужно было всех легализовать в столице. Казалось, это абсолютно невыполнимо. Но я все это сделал.

К тому времени я уже купил двухкомнатный кооператив на Проспекте Мира. Туда и прописал всех своих родственников. Но до этого, чтобы получить московскую прописку, пришлось фиктивно выдать замуж сестру, да и Батя тогда все никак не мог понять, зачем им с мамой разводиться!

Второй брак

Хотя первый брак не принес мне ничего хорошего, в 1969 году я решился на второй актерский брак и женился на Люсе... Прошу прощения, на Людмиле Марковне Гурченко!

И опять приключилась та же история. Только, конечно, Людмила Марковна была женщиной намного более серьезной. Во всех смыслах. Женщина с характером! Ты ей слово, она тебе – десять. И она, естественно, требовала ответственности перед семьей, перед домом. И очень остро реагировала на какие-то, так сказать, деликатные вещи, которые возникали по жизни. Как и с первой супругой, из-за гастролей мы стали мало видаться и быстро отдаляться друг от друга по причине разности характеров и темпераментов. Короче говоря, не сложилось до такой степени, что потом мы никогда даже не здоровались друг с другом, хотя и прожили вместе три года... Наши отношения с Людмилой Гурченко – это не несчастная любовь и не счастливая, а, скорее, несостоявшаяся. Она уезжала на съемки, я – на концерты, виделись мы крайне редко, и поэтому ситуация складывалась неразрешимая. Может быть, если бы у нас появился общий ребенок, это изменило бы наши взаимоотношения. Хотя у нее была очаровательная дочь Мария, к которой я относился очень хорошо.

Когда мы поженились, родители Людмилы еще жили в Харькове, и Маше приходилось трудно. Мама довольно грубо с ней обходилась, хотя и любила по-своему дочь. Не знаю, насколько Маша меня любила, но у нас были вполне дружеские отношения. Я ее проводил в первый класс. Она слушалась меня и, когда у них с Людмилой возникали конфликты, всегда бежала ко мне. Я всегда ее защищал. Но после того, как я ушел от Людмилы, с ней больше не общался. Но до сих пор считаю ее талантливой актрисой и человеком невероятных способностей, который мог справиться с любой задачей. На фортепиано научиться играть, на гитаре – пожалуйста, писать стихи или музыку – нет проблем, петь – ради Бога.

Сама Людмила уже после расставания в интервью газете «Комсомольская правда» признавалась, что союз со мной был для нее ошибкой. И как вспыльчивая и стихийная дама в телепередачах, куда ее приглашали, могла наговорить обо мне бог знает что. Например, однажды в передаче Леонида Парфенова назвала меня «темным пятном» в своей жизни. Господи, но я был у нее четвертым мужем... Официальным! Ни об одном муже – а после меня у нее еще два официальных было! – она не отзывалась хорошо.

Нельзя так скверно относиться к окружающим! Она даже дочь свою не щадила: отсудила квартиру, хотя у той двое детей. Когда Марк, внук Гурченко, погиб в 1998 году от передозировки наркотиков, Людмила Марковна даже не пришла мальчишку похоронить, не появилась и на похоронах своей мамы. Такой эгоцентризм просто в голове не укладывается. И я сказал себе: «До семидесяти молчу, а потом вынужден буду сказать: «Люся, нельзя так! Мне не в чем перед тобой оправдываться, но если для тебя я «темное пятно», то почему для другой женщины вот уже столько лет – светлое? Ну, не получилась у нас жизнь, так разве мы должны быть врагами до конца своих дней?» Но она до конца дней ненавидела меня за развод. Но не потому, что хотела видеть рядом с собой меня. Просто не любила одиночество. Я случайно встретился с ней на телевидении и все-таки решил поздороваться: «Добрый день, Людмила Марковна!», а она заорала на весь коридор: «Ненави-и-ижу!!!» Я только плечами пожал: «Значит, любишь до сих пор, дура!» И пошел себе дальше.

Ничего плохого я ей в этой жизни не сделал. Наоборот, приобрел квартиру для ее бывшего мужа Саши Фадеева, чтобы она не разминивала их общую, помог перевезти из Харькова родителей, хорошо относился к Маше... А то, что у нас жизнь не складывалась, это естественно. Она на съемках, я на гастролях... И образ жизни, и возраст приводили к каким-то встречам, которые очень, наверное, оскорбляли, хотя это было взаимно. Видимо, поэтому мы и разошлись.

Давно это было, но журналисты до самой ее смерти считали своим долгом спросить у Гурченко о Кобзоне, а у Кобзона – о Гурченко. Естественное, конечно, любопытство, тем более что Людмила Марковна не один раз высказывалась обо мне неблагоприятно...

Вот, например, жадным она меня называла. Жадным!? Ну, во-первых, начнем с того, что когда я был на ней женат, она ни в чем себе не отказывала. Работал я всегда много, и в артистическом мире считался весьма обеспеченным человеком. Поэтому жаловаться на отсутствие каких-то средств и говорить, что я был скупым, по-моему, не может никто из тех людей, с которыми я общался. Я никогда не смотрел на деньги как на средство, которое

поддерживает в этой жизни. Я всегда относился к ним легко. Хорошо, конечно, когда они были. Но если их не было, я тоже чувствовал себя нормально.

* * *

Кстати, мы познакомились с Людмилой Марковной в 1967 году совершенно случайно в ресторане ВТО. К тому моменту после «Карнавальской ночи» прошло уже более десяти лет. Так получилось, что мы с ней вместе посмотрели фильм «Шербурские зонтики», и я сразу же уехал в Питер. Наутро созвонились, и у нас начался телефонный роман.

Потом я был на гастролях в Куйбышеве, теперь это Самара. И ко мне прилетела Людмила. Мы уже жили тогда вместе, но расписаны еще не были: как-то все времени не хватало, да и не считали это обязательным. И вот после ужина в ресторане, в первом часу ночи, поднимаемся ко мне в гостиничный номер (кажется, это была гостиница «Центральная»), а дежурная нас не пускает. Я говорю: «Я – Кобзон». Она отвечает: «Вижу». – «А это, – говорю, – Людмила Гурченко, известная киноактриса, моя жена». – «Знаю, – отвечает, – что актриса, но что жена – в паспорте отметки нет. В один номер не пушу. Пусть снимает отдельный и там живет». Смотрю, у Людмилы Марковны истерика начинается, слезы ручьем. Что делать? Звоню среди ночи домой директору филармонии Марку Викторовичу Блюмину: так мол и так, извините, едем в аэропорт, гастролы придется отменить. Он выслушал: «Приезжайте ко мне». Переночевали у него. Утром, после кофе, он везет нас в филармонию, ведет к себе в кабинет, а там уже ждут – дама из загса, свидетели и все такое. Так он нас с Людмилой Марковной и поженил.

Это было время расцвета моей популярности, а вот для нее этот период был достаточно тяжелым. Она пребывала в страшной депрессии: ее популярность сильно упала. Но тем не менее, Гурченко оставалась Гурченко: она пробовалась в один театр, в другой. Со съемок возвращалась с истерикой. И каждая из них почему-то заканчивалась словами: «Это невозможно! Не успеешь заявить о своем желании сняться или сыграть роль, как тебе сразу же лезут под юбку и тащат в ресторан!» Она очень хотела играть в театре, но куда бы она ни обращалась, режиссёры сразу же предлагали ей «койку». А она очень болезненно реагировала на подобное поведение: оно ее унижало. В такой момент я и подставил ей плечо. А она сказала в интервью «Комсомолке»: «В браке с Кобзоном ничего хорошего не было. Он умел сделать мне больно. Начинал подтрунивать: «Что это все снимаются, а тебя никто не зовет?» После этого брака я осталась в полном недоумении, и мне открылись такие человеческие пропасти, с которыми я до того не сталкивалась...». Иногда не сдерживался. А в остальном... Мне странно. Мы ведь особенно в первое время мы были очень увлечены друг другом. Поэтому насчет «ничего хорошего не было» я не понимаю... Во времена нашего брака с Людмилой Гурченко я был молод, популярен, имел много поклонниц. Но мне нравилось и то, что я официально был женат на актрисе, которую знала вся страна. Но, не смотря на то, что Людмила Марковна была ко всему прочему и замечательной хозяйкой, брак с ней не стал для меня тылом. Скорее, он был линией фронта. Мы сами «обостряли» наши отношения своим накалом страстей, который неизбежно должен был привести к разрыву. Однажды во время ее гастролей ей донесли про мою якобы измену, она тотчас отбила телеграмму: «Горбатого могила исправит. Косточка». Я ее называл «Косточка». Я ей ответил: «Каким был, таким и останусь. Горбатый». И мы развелись. После Людмилы у меня был страшно тяжелый год – не то что поисков и раздумий, а, скорее, мощных депрессивных настроений. Тяжело мы с ней расставались.

И еще что важно. Моя мама не была довольна моим выбором невест. Ни первым, ни вторым. Кстати сказать, особенно она была недовольна вторым выбором. Она не любила Людмилу Марковну. Как раз в 1967 году мама переехала ко мне в Москву, так что лично познакомилась с невесткой. Мы с Гурченко жили в квартире на Маяковке, которая ей досталась от предыдущего мужа, сына писателя Фадеева. Помню, как мы с Люсей приехали к маме знакомиться. «Мама, это моя жена». Пауза. Потом: «Как это?» – «Так это!» Мама с Люсей внимательно друг друга оглядели, составили свое мнение и промолчали. В мое отсутствие встречались один-два раза, между ними происходили неловкие разговоры... В общем, потом каждая мне высказывала недовольство. Мама, естественно, всегда защищала интересы своего сына.

Обычная жизнь: гастролы, записи, съемки...

С начала 1970-х годов я строил сольную карьеру. И самый первый выпуск «Песни года» (1971) открывал песней Оскара Фельцмана и Роберта Рождественского «Баллада о красках» в моем исполнении.

Я был на вершине. Лауреат, победитель... Я тогда себе даже американский автомобиль купил – старый «Бьюик». Я его купил, пижонства ради, когда мы расстались с Гурченко. Мне хотелось показать ей свою независимость. Только вот он ломался через каждые сто метров, зато внешне был удивительно красивый...

Но проблем чисто бытовых было много. Как я уже говорил, мне все-таки удалось развести мать с отцом и привезти из Днепропетровска справку, добытую, конечно, «левым» путем, о том, что мама у меня одинокая. Так маму я прописал к себе. А в Пушкино, в Московской области, где у меня жил старший брат Исаак, мы прописали батю. Однако... то ли все это на него плохо подействовало, то ли силы были уже не те, но в 1970 году Бати не стало, хотя мы все его так любили... Любили, как самого родного человека...

А вот чтобы прописать сестру Гелену, ее пришлось выдать замуж за моего конференсье Гарри Гриневича. Дело в том, что он как раз нуждался в отдельной квартире, но купить ее на одного тогда было нельзя. И поэтому и ему понадобился фиктивный брак, какой они и заключили с моей сестрой. А я ему купил за это квартиру. Сестру прописали у него, хотя все продолжали жить, как и жили, у меня в двухкомнатной.

Вот так мы и стали опять жить вместе. Жить-поживать и добра наживать.

У меня шла обычная жизнь: я гастролировал восемь-девять месяцев в году, а когда возвращался, вновь был до предела загружен записями и съемками. И на гастролях я выкладывался по полной. Я, можно сказать, родоначальник этого зверства, когда артист давал два-три, а то и пять-шесть сольных концертов в сутки. Причем, всегда работал живым голосом. Тогда вообще не знали, что такое фонограмма.

Здесь стоит вспомнить, как и сколько тогда певцы зарабатывали себе на жизнь. Если сейчас каждый зарабатывает столько, за сколько договорится, то в советские годы об этом можно было только мечтать. А кто пытался устраивать договорные или так называемые «левые концерты», кончал обычно плохо. Эта участь с плохими последствиями особенно

грозила Магомаеву, Лещенко, Леонтьеву и Пугачевой. За ними был особый глаз. И если не они сами, то их директора основательно погорели, а администратор Муслима, кажется, и вообще получил срок за «левые дела» в Норильске. Сам же Муслим, как в свое время и я, был около года под запретом.

Что толкало названных «звезд» на такие нарушения? Да, прежде всего то, что их заработки ни в какое сравнение не шли с доходами государства от их концертов. Скажем, Алла Пугачева собирала по рублю за место целые стадионы, а получала за концерт всего 62 рубля 50 копеек. Ну, как тут не задумаешься о дополнительных доходах?

У меня необходимости в «левых концертах» не было, так как я, во-первых, получал за концерт 202 рубля 50 копеек (у меня была самая большая ставка в СССР), а во-вторых, как я уже говорил, я очень много работал, редко ограничиваясь одним концертом в день.

Без лишнего хвастовства могу сказать: однажды я дал рекордные двенадцать концертов в день, а мой самый длинный концерт длился одиннадцать с половиной часов. Я до самого последнего времени совершал свыше сорока перелетов в месяц, записал около трех тысяч песен...

Кто-то скажет – безумие... Я и сам на эту тему люблю пошутить, когда читаю, к примеру, что мой достаточно близкий друг Шарль Азнавур очень много работает. В свои «девяносто с лишним» он в замечательной форме, и вот в прессе сообщение промелькнуло, что он вошел в Книгу рекордов Гиннесса, дав четыреста концертов в год. Очень рад за него, и хотя никогда на место в этой книге не претендовал, если бы этим вопросом серьезно занялся, по многим показателям мог бы туда попасть. По количеству концертов на протяжении жизни, по числу совершенных перелетов и протяженности маршрутов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.